

О МУЗЫКЕ И НЕ ТОЛЬКО О НЕЙ

Встреча с кумиром

Есть в нем что-то от птицы, незнакомой, загадочной птицы, на миг отвернуться боясь — улетит. С ним постоянно что-то случается: чудеса, перемены, превращения. Мир его песен — как магазин самообслуживания: берите, что хотите.

Есть в нем что-то от птицы, что мелькнет вдруг перед со-скачавшимися по дому моряками, обнимая крыльями воздух. Это значит — впереди берег...

Бытует мнение: о творчестве Гребенщикова можно писать лишь после знакомства с ним. Чтобы глубже понять мир его песен. К счастью, мне представилась возможность побеседовать не только с Борисом, но и с его мамой Людмилой Харитоновной Гребенщиковой. Естественно, сначала слово ей.

— Людмила Харитоновна, когда Борис был маленьким, кем вы хотели видеть его в будущем? Сбылись ли ваши мечты?

— В детстве Борис, еще не умея читать, любил перерисовывать схемы радиоприемников. Почему-то я была уверена, что это каким-то образом повлияет на его будущее.

По окончании физико-математической школы он сделал выбор в пользу точных наук, поступил на факультет прикладной математики и процессов управления Ленинградского университета. Но уже на первом курсе он признался: «Теперь я знаю, что является делом моей жизни — музыка и только музыка!»

Сбылись ли мои мечты? Я по профессии юрист, но завидую людям искусства. Однажды я была на одном из ранних Борисовых концертов в Петродворце, и Боря на сцене падал на колени, протянув руки к залу, и пел «развяжите мне руки», а зал отвечал ему ревом. Я сказала: «Один такой концерт — это уже оправдание всей жизни».

— Что вам запомнилось из детства Бориса больше всего?

— Помню, он вился в третьем классе и как-то вечером читал лежа в постели. Я переговаривалась с ним из другой комнаты. Потом он вдруг затих и долго не отвечал. Я зашла к нему, а он посмотрел на меня такими сияющими глазами: «Мама, я прочитал «Робин Гуд!»». И я поняла, что прек-

расное вошло в него, в его душу, и теперь он всегда будет хранить его в себе.

— Часто ли Борис советуется с мамой?

— Вы знаете, он перестал со мной советоваться еще в восьмом классе. Он уже тогда писал стихи, которые я достаточно сильно критиковала. Однажды Борис прочел мне несколько строк из разных стихотворений, а потом, как обычно, спросил мое мнение. Это были стихи Цветаевой, Пастернака, Ахматовой. Вот с тех пор...

— Все мамы любят баловать своих детей. Вы балуете?

— Боря баловать невозможно. Он очень много работает. Просыпается — едет в студию, приезжает с работы — ложится спать. Ему некогда поесть. Он хронически не высыпается. А вообще я счастлива, что Боря все-таки занят хорошим делом.

Эстафету от мамы принимает Борис (в последнее время все чаще и Борисович), на год исчезнувший и вновь обвинившийся, но уже с новой группой «БГ», с ровным альбомом (предварительное название «Песни капитана Воронина») и с окладистой бородой.

— Борис Борисович, что тебе не нравится в сегодняшней жизни?

— Не нравится то, что мы вечно готовы всякому пиджону лизать сапоги — швейцару, таксисту... О бытовых вопросах и не говорю.

— Что придавало и придает тебе силы в жизни?

— У меня есть музыка. Она

Сов. Чувашская - Чебоксары - 1992 - Ваня

и стала моим спасением.

— Выходит, музыка может спасти человека?

— Меня спасла. Я просто не обращал внимания на тот обман, который нас окружал. По-стал все подальше...

— В одно время приходилось слышать, что ты записал.

— Я ужасно грешен. Я не похож на Раму Кришну. Хотелось бы стать чище, ведь тогда мне было бы больше дано, больше позволено. Однако жить по-другому уже не могу.

— Не слишком ли мрачно-ва-то?

— Я хотел бы не пить, хотел бы расстаться с наркотиками, но не могу. Хотя, надо заметить, в России я их не употребляю, потому что здесь их просто трудно купить.

— Прошел слух, будто проект Гребенщиков — Курехин

(известный специалист по влиянию грибов на цивилизацию — А. Т.) в Париже на недавней рок-тусовке попросту провалился.

— Я очень люблю журналистов. (Смеется). Наверное, это самая опасная профессия. Однако не очень приятно, когда порой приходится сталкиваться с информацией, не имеющей ничего общего с действительностью. Наверное, это все от беса.

— Ты достиг всего, чего можешь достигнуть в нашей стране музыкант. Знают тебя и на Западе. Никогда не бывало ничего похожего на зазнайство?

— На мой взгляд, тут по-настоящему важно лишь одно: как человек поступает с тем, что имеет, с тем, что ему дала природа.

— Многим непонятна твоя музыка, ее стиль. Как ты, кста-

ти, сам ее характеризуете?

— Это современная камерная музыка. Рассчитана на аудиторию в полторы—две тысячи зрителей.

— Тринадцать твоих картин уже около года переезжают с выставки на выставку, собирая тысячные толпы. Расскажи о них.

— Мне всегда было интересно писать о том, что длится дольше, чем моя жизнь. Мне скучно писать про Брежнева, про перестройку. Это болтанка на поверхности жизни, а океан как невозмутимо лежал, так и лежит. Меня интересует то, что происходит в глубине. Моя живопись создана в 1989 году и представляет собой серию картин под общим названием «Из жизни вождей мирового пролетариата».

— Какие картины входят в нее?

— Я назову их вам: «Вожди мирового пролетариата пьют чай», они же «находят в джунглях забытой цивилизации оригинал статуи девушки с велосом», «поручают Прометею передать огонь по ведомству партии», «объясняют Адаму пользу яблок...».

— И в заключение беседы вернемся к твоей музыке. Можешь ты сформулировать свое мировоззрение? Мировоззрение своей музыки?

— А зачем его формулировать? Все мое мировоззрение там, в моих песнях. Потому и пою...

А потом мы слушали его новые песни. Песни находящегося в стадии завершения нового альбома. Сегодня Борис Гребенщиков все глубже звикает в православие. Его восточные увлечения, похоже, остались в юности, и его музыка вновь приобретает тот очаровательный барочно-акустический колорит, который пленил сердца поклонников в начале 80-х.

Александр ТРОШКИН, студент МГУ, наш внештатный корреспондент.

Фото автора. Санкт-Петербург — Чебоксары.